

Марк Липовецкий

Стихи с газетой: политическая поэзия Яна Сатуновского

Резюме: В статье стихотворения Яна Сатуновского 1960-80-х годов анализируются через их связь с публикациями в советских газетах. Исследование показывает, что Сатуновский не деконструирует политический дискурс, а ищет возможности для политического самовыражения, органичного для контекста его повседневной жизни. Он находит такой язык для высказывания политических суждений, который определяется его конкретным экзистенциальным и историческим пониманием актуальных ситуаций. Постоянная дискуссия Сатуновского с газетой позволяет ему сформировать политическую сторону своего индивидуального и в то же время типичного опыта и таким образом установить политическую агентность за пределами советского политического дискурса.

Ключевые слова: политическая поэзия, конкретизм, поэтика умолчаний, советская субъективность

В 1974 году Ян Сатуновский писал:

... я не люблю «эзоповского
языка», не применяю.
Даже позднего Заболоцкого
Как-то не воспринимаю.
[358]

И действительно, Сатуновский не прибегает к «эзопову языку», когда пишет о сталинском и послесталинском терроре, о замалчивании Холокоста, о советском антисемитизме, о преследовании диссидентов, о вторжении в Чехословакию, о советских зверствах во время войны.

Без оглядок и обиняков он пишет и о поэтах, убитых или преследуемых режимом. В его стихах политические высказывания, как правило, окрашены злым сарказмом. Нередко в них звучит иронический сказ — передающий голос «народа», к которому Сатуновский относится без всякого пиетета. Как и все взрослые стихи Сатуновского, они не предназначались для печати, и он себя в них не сдерживает.

Сатуновский настаивает:

Меньше всего я хочу загадывать загадки.

Но я хочу говорить

то,

что я хочу говорить:

оха́пывать по́хма,

обтисывать гримсы,

двумерный, а то и одно,

как призрак отзовизма.

30 октября 1969

[287]

В этом стихотворении отказ от загадок в первой строфе резко сталкивается с загадочностью (и даже зауемью) второго четверостишия, порождая неразрешимый парадокс. К тому же, почему вторая строка начинается с «Но» — разве ее смысл противоположен смыслу первой? Казалось бы, нет, «хочу говорить то, что я хочу говорить» — и говорю без загадок. Однако из-за «но» слышится другое: я говорю без обиняков, но почему-то загадываю загадки, хотя и не хочу этого делать — о чем и свидетельствует вторая строфа.

Еще больше усложняет мысль Сатуновского о загадочности поэзии стихотворение, написанное в том же году, но несколькими месяцами раньше:

Бессмыслица, двусмыслица, считалка,

начну сначала, чтобы зашипало в горле

как от ангины,

загану загадку,

которую разгадывать не надо,
которую нельзя не угадать —
поэзию...

10 февраля 1969

[284]

Сатуновский отрицает загадочность (своей) поэзии, но утверждает, что загадочность — она же «бессмыслица, двусмыслица, считалка» — лежит в основе поэтического аффекта. Ее не надо разгадывать, но ее необходимо загадать.

В этих парадоксах можно усмотреть отголоски формалистических идей Виктора Шкловского, который, начиная со статьи «Искусство как прием», говорил о загадках как о традиционной форме остранения, а значит, и устойчивом качестве поэтического языка. У Сатуновского «загадочность» является обратной стороной прозрачности и прямоты его стиля. Среди его текстов встречается немало таких, которых иначе как «темными» не назовёшь. Их довольно много, и они откровенно загадочны. Например, вот такое стихотворение:

Все думают одно и то же
и говорят одно и то же,
но говорят одно,
а думают другое.
[167]

Смысл этого стихотворения прояснится, если обратить внимание на дату под стихотворением: 16 октября 1964 года. Заглядываем в «Известия» за эту дату и прямо на первой полосе видим следующее:

чему за снежком и ледком в четвертой строке вырастает «ледяная страна»?

Ради эксперимента заглядываем в те же «Известия» и находим на четвертой полосе статью Владимира Орлова, известного литературоведа и главного редактора «Библиотеки поэта», под названием «Весомое слово — поэзия». В этой элегантно и умно написанной статье Орлов обрушивается на «формализм» в поэзии. Свои выпады против молодых «новаторов» с их корневыми рифмами и свободным стихом — «зачастую настолько свободным, что он разваливается» — Орлов обосновывает цитатой из письма Блока — «стихи в большом количестве вещь невыносимая»:

Переизбыток такой по внешности «настоящей» поэзии, в которой, казалось бы, «все на месте», начинает оглушать и сбивать с толку человека, даже имеющего некоторый опыт обращения со стихами. Все чаще ловишь себя на сомнении: а для чего, собственно, этот нарядный бенгальский огонь, что и не светит и не греет? А дальше, глядишь, начинаешь уже верить, что «стихи в большом количестве вещь невыносимая»¹, как сказал однажды один умный литератор, а вслед за ним повторил Александр Блок. И вот ведь что: при всем разнообразии «формальных приемов» такие стихи в сущности безлики.

(Орлов 1964: 4)

А в финале статьи, похвалив Ярослава Смелякова как образец органической «партийной поэзии» без формалистических «выкрутасов», Орлов без указания имени крамольного автора приводит строку из поэмы Пастернака «Волны»:

Настоящий поэт ищет и всегда находит в каждом случае самое нужное, «единственное» слово и, как правило, это самое простое слово. Таков был путь Блока, Маяковского, Асеева, Заболоцкого. Все они, каждый по-своему должны были извлечь уроки из собственного «опыта больших поэтов», чтобы обрести ту естественность, которая отличает их

---

1 Цитата из статьи А. Блока «Без божества, без вдохновенья» (1921). Впервые эта фраза появляется в записной книжке Блока за 1911 год.

зрелое творчество. И, заметьте, у каждого из них своя простота, потому что за стихами каждого стоит индивидуальность поэта, его личность, его характер, его сердце.

(Там же)²

Этот контекст, думаю, не является натянутым, поскольку ссылка на Пастернака в то время была более чем редким явлением, а в сочетании с Блоком, да еще в день написания стихотворения... Такое совпадение кажется невероятным.

Цитата из Пастернака в 1964 году — почти крамольный жест, которым Орлов смягчает ортодоксальную атаку на формализм и прославление «простоты». Помещенное в диалогические отношения со статьей Орлова стихотворение Сатуновского воспринимается как политический текст. Снятие Хрущева напоминает о революции, говорит он, цитируя «Двенадцать» Блока, но эта революция ведет не к оттепели, а к еще большему похолоданию. Если Орлов превращает Блока и Пастернака в поборников «простоты», то для Сатуновского оба — жертвы обмана; поверив в революцию (в случае Пастернака — в оттепель), поэты ошиблись: под снежком «очистительной» метели скрывался ледок; «ледяная страна» осталась неизменной.

Возникает предположение, что не только эти стихотворения, но и многие другие содержат в себе подобные отсылки к советским газетам. Впервые Сатуновский строит поэтический текст на диалоге с газетой

---

2 Фраза «опыт больших поэтов» отсылает к строфам Пастернака из цикла «Волны» (1931; Пастернак 2004: 321):

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.

В родстве со всем, что есть, уверясь
И зная с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

в раннем стихотворении «Вчера, опаздывая на работу...» (1939)³. По словам критика Владислава Кулакова:

Лирический жанр Сатуновского точно определил Геннадий Айги: «острые, как перец, стихотворения-реплики». Действительно, стихи Сатуновского — это прежде всего реплики, выхваченные из непрерывного разговора — без начала и конца. Реплики негодующие, обличающие, протестующие, обращенные к неназываемому, но всегда узнаваемому оппоненту, или реплики — размышления, наблюдения, обращенные к самому себе.

(Кулаков)

В порядке гипотезы выскажу следующее предположение: «реплики» Сатуновского обращены именно к газете (позднее ТВ, официальному дискурсу в целом). Разумеется, полная проверка этой гипотезы предполагает длительное и кропотливое исследование. Я же ограничился стихами 1960–80-х годов. В качестве материала для сопоставлений я использовал только одну газету — «Известия», которую Сатуновский читал регулярно и вьедливо. Разумеется, результаты этого исследования носят предварительный, а вернее, разведывательный характер — вопрос в том, просматривается ли здесь особый поэтический «метод», характеризующий политическую поэзию Сатуновского? Или же перед нами вариант «нормальной» для поставангарда интертекстуальности?

Соотношения с газетой важны для стихов Сатуновского как их «материал» и одновременно «расширитель». Сатуновский отталкивается от газетного текста, используя его как трамплин для свободных размышлений и ассоциаций, для полемики и критики. При этом сам газетный текст, как правило (хоть и не всегда), исчезает в поэтическом тексте Сатуновского. Однако Сатуновский расставляет «флажки» — сигналы, которые указывают на связи, уходящие за пределы текста. Важнейшей из таких связей является датировка стихотворения — она вписывает поэтический текст в конкретный социополитический контекст, который и образует невидимую глубину, казалось бы, совершенно не суггестивного текста.

---

3 См. об этом: Липовецкий 2023: 374–378.

Так, стихотворение 1971 года —

Удивляйтесь,
что Межелайтис...?
Не удивляйтесь.

Удивительное
не удивительно.
Удивительно
Неудивительное.
[315]

— по-видимому, отсылает к статье Эдуардаса Межелайтиса «Верность», напечатанной в «Известиях» за 26 марта 1971 года⁴ и посвященной Андреасу Булоте-мл. (1907–1974). Булота участвовал в покушении на жизнь Аугустинаса Вольдемараса (1883–1942), премьер-министра Литвы, пришедшего к власти в результате военного переворота и закончившего жизнь в тюрьме НКВД. Вольдемарас был националистом с фашистскими симпатиями, а Булота — антифашистом, воевавшим в Испании, а затем устанавливавшим советскую власть в послевоенной Литве. Межелайтис, в свою очередь, пользовался репутацией модернистского поэта-интеллектуала, и его публикацию панегирической статьи о просоветском коммунисте в «Известиях» Сатуновский воспринимает скептически как конформистский жест.

Насколько необходима эта информация для понимания стихов Сатуновского? Ясно, что для Сатуновского важна рифма: «Межелайтис — не удивляйтесь», которая порождает пару: «удивительное — не удивительно / удивительно — не удивительное» (в свою очередь созвучную с названием популярной передачи «Очевидное — невероятное»). Сатуновский говорит о дезинтеграции ценностной иерархии, когда разрушение сложившихся в оттепель репутаций происходит каждый день и уже не поражает; зато аномальным становится их сохранение: уди-

---

4 В книге Сатуновского это стихотворение датировано месяцем раньше — 27 февраля 1971 года. Ничего вокруг этой даты обнаружить не удалось. Возможно, описка у Сатуновского?

вительно — неудивительное! Как именно скомпрометирован персонаж стихотворения — информация для комментария или сноски, не более того.

Но это лишь один тип работы Сатуновского с газетным материалом. У него довольно много стихов, в которых газетные публикации являются *тематическими триггерами* для его стихов. Так, например, передовая статья «Гарантия законности» («Известия», 6 декабря, 1967, с. 1), в которой кратко излагается история советского суда, но ни разу, даже косвенно, не упоминается роль суда в сталинских репрессиях, становится триггером для следующего стихотворения:

Кто помнил,
того зарыли,
а мы,
а мы забыли
    о Тайне
    открытых процессов,
    когда не доцент,
    не профессор,
    не вырванный с мясом
    крестьянин,
    а Каменев, Рыков, Бухарин,
        кто помнил,
        того зарыли,
        а кто забыл —
        в Нарыме.

7 декабря 1967

[233]

Стихотворение «Опять чего-то гомонят из-за границы — / какой-то Сахаров, какой-то Солженицын...» [351] от 9 сентября 1973 года может быть реакцией на статью в «Известиях» от 8 сентября «Быть ученым — значит быть патриотом» (с. 3), направленной против Сахарова. Стихотворение «...расстрелян Николай / сыпняк на всем на свете...» [417] от 19 ноября 1977 года перекликается с рецензией А. Плахова на новые

художественные фильмы о Матэ Залка и Котовском в «Известиях» за тот же день (с. 4).

Таких примеров, разумеется, довольно много. Гораздо реже встречаются примеры *вербальных триггеров*, когда Сатуновский пишет стихотворение как реплику, отвечающую на конкретный словесный оборот в газетной публикации.

Вот, например, стихотворение времен Шестидневной войны Израиля с Египтом и другими арабскими государствами (5–10 июня 1967 года):

Громыко сказал:

«местечковый базар».

– Так и сказал?

– Да, так и сказал.

– Он можбыть сострил?

– Да, можбыть сострил.

– А больше он ничего не говорил?

– Нет, больше он ничего не говорил.

6 июля 1967 года

[219]

Перед нами прямая цитата из речи советского министра иностранных дел на сессии ООН, обсуждающей результаты Шестидневной войны: «Израиль хотел бы превратить наше высокое собрание в местечковый базар, отвлечь Генеральную Ассамблею от рассматриваемого ею главного вопроса — о выводе войск агрессора». Речь Громыко опубликована в «Известиях» 4 июля, а стихотворение Сатуновского помечено 6 июля — и этот временной интервал становится компонентом семантики стихотворения. Сатуновский как бы спрашивает: а что осталось от многословной речи Громыко через два дня? Остался только антисемитский выпад. И он в полной мере выражает существо этой выдающейся речи: «А больше он ничего не говорил? Нет, больше он ничего не говорил». Форма стихотворения, основанная на вопросах и ответах с повторением одних и тех же глаголов: сказал/сказал, сострил/сострил, не говорил / не говорил — звучит как окончательная формулировка советской «позиции» по израильскому вопросу. Тавтологичность формы

здесь соответствует тавтологическому смыслу: главным аргументом в пользу советского антисиионизма является советский антисемитизм.

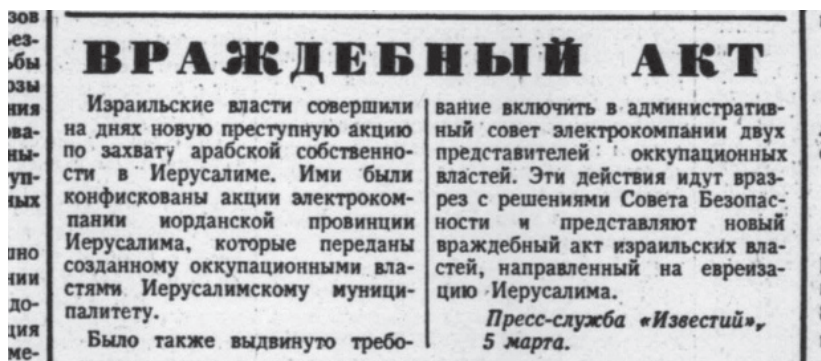
Не менее недвусмысленна отсылка к газетной публикации в следующем стихотворении:

А теперь изобрели:
 «евреизация Иерусалима»,
 Которой так не доставало
 великому русскому языку.

6 марта 1971

[547]

Абсурдная «евреизация Иерусалима» — это прямая цитата из редакционной статьи «Враждебный акт», опубликованной на первой странице «Известий» от 5 марта 1971 года:

Илл. 2

Более сложный, хотя и менее очевидный пример представляет собой стихотворение «Пустые стоят коровники»:

Пустые стоят коровники,
 о которых Есенину пелось.
 На лицах у колхозников

молочно-восковая спелость.

А жить-то ведь

каждому хочется,

а не жмыхать газетное сено.

Нет,

не скоро, видать,

окончится

кровопопная эта система!

13 марта 1962

[128]

НОВЫЕ ПОЛЯ ЖДУТ ТЕБЯ, ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ!

ВМЕСТО ТРАВ, МАЛОУРОЖАЙНЫХ КУЛЬТУР И ЧИСТЫХ ПАРОВ—
КУКУРУЗУ, САХАРНУЮ СВЕКЛУ, ГОРОХ И БОБЫ

«ПЛЕНУМ ЦК КПСС осуждает травопольную систему как несостоятельную с научной точки зрения, непригодную для социалистического сельского хозяйства. Надо решительно переходить от травополья к более интенсивным системам земледелия, широко внедрять посевы высокопродуктивных пропашных и бобовых культур — кукурузы, сахарной свеклы, гороха, кормовых бобов, — дающих возможность коренным образом улучшить использование земли, обеспечить обилие кормов, производить необходимое количество зерна, мяса, молока и других продуктов. Мертвой травопольной схеме надо противопоставить жизненную, целеустремленную структуру посевных площадей, рассчитанную на получение максимума сельскохозяйственных продуктов с каждого гектара земли, при наименьших затратах труда и средств на единицу продукции».

(Из постановления мартовского Пленума ЦК КПСС.)

НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ В КЛАДБИЩЕ

Старый район сельхозтехникума имени Сталина в Ленинском районе Москвы. Вдоль его забора, на территории, которую раньше занимали кладбище и парк, теперь возделаны поля. На них растут кукуруза, сахарная свекла, горох и бобы. Это — первый опыт применения новой системы земледелия в Москве. Впервые в городе на территории бывшего кладбища и парка созданы поля для выращивания культур, которые раньше не возделывались. Это — первый опыт применения новой системы земледелия в Москве. Впервые в городе на территории бывшего кладбища и парка созданы поля для выращивания культур, которые раньше не возделывались.

РАСЧЕТЫ, ПЛАНЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Что же даст страна новая трава, малоурожайная культура? Чистых паров, малоурожайных культур? Скорее всего, не так много, как хотелось бы. Но зато даст много кормов, мяса, молока и других продуктов. Это — первый опыт применения новой системы земледелия в Москве. Впервые в городе на территории бывшего кладбища и парка созданы поля для выращивания культур, которые раньше не возделывались.

«ПЛЕНУМ ЦК КПСС ВМЕСТО ТРАВ»

осуждает травопольную систему как несостоятельную с научной точки зрения, непригодную для социалистического сельского хозяйства. Надо решительно переходить от травополья к более интенсивным системам земледелия, широко внедрять посевы высокопродуктивных пропашных и бобовых культур — кукурузы, сахарной свеклы, гороха, кормовых бобов, — дающих возможность коренным образом улучшить использование земли, обеспечить обилие кормов, производить необходимое количество зерна, мяса, молока и других продуктов. Мертвой травопольной схеме надо противопоставить жизненную, целеустремленную структуру посевных площадей, рассчитанную на получение максимума сельскохозяйственных продуктов с каждого гектара земли, при наименьших затратах труда и средств на единицу продукции».

(Из постановления мартовского Пленума ЦК КПСС.)

Помимо «газетного сена», прямо указывающего на «источник вдохновения», обращает на себя внимание «молочно-восковая спелость» и «кровопольная эта система». Первое выражение, как напомнил Илья Кукулин во время обсуждения моего доклада на конференции о Сатуновском в Дартмуте, связано с пропагандой кукурузы и употреблялось исключительно в связи с этим сельхозпродуктом. Второе выражение переиначивает сельскохозяйственный термин — «травопольная система», в свою очередь, связанный с теориями Т.Д. Лысенко. В «Известиях» за тот же день, которым датировано стихотворение (13 марта 1962 года), опубликованы материалы пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству, на котором главным виновником всех бед объявлена травопольная система. Иначе говоря, в газетной статье сообщается (хоть и не прямо) о том, что власть Лысенко, знаменитого своим влиянием на Хрущева и своей «борьбой» с генетикой и генетиками, окончательно пошатнулась⁵.

В контексте газеты стихотворение Сатуновского приобретает ярко выраженный полемический смысл. Если газетная статья начинается с осуждения «травопольной системы как несостоятельной с научной точки зрения», то Сатуновский заключает свое стихотворение диагнозом: «не скоро, видать, / окончится / кровопольная эта система!» Иначе говоря, попытки «исправить» положение в сельском хозяйстве путем внедрения более прогрессивных методов и избавления от «злодейского» влияния Лысенко заведомо обречены на провал, поскольку порочны не методы сева и не их научные обоснования, а сама колхозная система, которую никакая кукуруза с ее «молочно-восковой спелостью» не спасет.

Отношения стихов Сатуновского с газетными «триггерами» носят явно диалогический характер. Сатуновский никогда не «иллюстрирует» газету, но всегда полемизирует с ней — он неизменно критически интерпретирует официальный дискурс, выявляя его ядро, обнажая его

---

5 Этот пленум приводит к окончательному снятию Лысенко с поста председателя ВАСХНИЛа. Возглавлявший эту влиятельную организацию с 1938 года и ответственный за разгром советской генетики и аресты генетиков, после критического письма трехсот ученых Лысенко был снят с поста председателя в 1956 году. Однако в 1961-м Хрущев восстановил его, и только в 1962 году Лысенко был снят окончательно, и Пленум фактически завершил его карьеру.

ничего другого
я не жду от своего
народа.

11 ноября 1963

[146]

Я полагаю, что такое сопряжение возможно, хотя прямых доказательств этой связи нет. Разве что газетная публикация пестрит названиями городов, откуда присланы однообразно-умилительные «письма читателей» — Москва, Новокузнецк, Усть-Каменогорск, Ленинград, Горький. Как переключка с этой «жанровой» меткой звучат строки стихотворения Сатуновского: «Мой народ смоленский, курский, тульский, пензенский, великолуцкий». (Замечу, что эти топонимы не связаны с биографиями поэта). Но сама поэтическая инвектива по отношению к тошнотворно-умилительным рассказам о доброте и взаимопомощи «простых людей» — контрастна, и именно эта аффективная связь представляется наиболее сильной.

У Сатуновского есть несколько ярких стихотворений, посвященных советскому вторжению в Чехословакию 21 августа 1968 года. Мне пока не удалось установить прямые газетные триггеры — возможно, в данном случае большую роль, чем обычные «Известия», играли передачи «Голоса Америки» или «Радио Свобода». Одно стихотворение из этого необозначенного цикла, от 15 сентября 1968 года — меньше, чем через месяц после советского вторжения — звучит как абстрактный философский текст:

Знаю, что люди — звери,
только не знаю, все ли.
Может быть, эти — не звери?
Может быть, дети — не звери?
Знаю, не знаю,
верю, не верю.

15 сентября 1968

[266]

«снятую» реакцию на противоположные этические интенции, вырисовывающиеся за материалами об оккупации, помещенными на одной и той же газетной странице: «Знаю, не знаю, / верю, не верю».

Разумеется, это только отдельные примеры тех гораздо более сложных и многоуровневых связей, которые соединяют стихи Сатуновского с советскими газетами и шире — с официальными дискурсами. Эти связи иногда переходят на уровень интуитивных прозрений, рационально не объяснимых резонансов между стихами Сатуновского и политическим или социальным контекстом. Например, 19 августа 1968 года, за день до советского вторжения в Чехословакию, Сатуновский пишет следующее стихотворение:

Какая тишина, какая благодать!
Не надо тратить сил на мимику,
всё ясно,
и кажется, что душу оставляет, беря,
свобода
выбраться из необходимости.
[263]

Опять-таки абстрактное философское стихотворение, но оно звучит совершенно иначе в сопоставлении с близящимся разгромом Пражской весны, который внутри СССР будет воспринят как окончательное поражение попыток либерализации, ассоциируемых с «оттепелью» и критикой «культа личности». Фраза «свобода / выбраться из необходимости», перефразирующая формулу Энгельса «свобода — осознанная необходимость», становится здесь метонимией всей квази-марксистской риторики и шире — советской модели социализма. Стихотворение, оказывается, передает ироническое облегчение, которое постигает лирического героя, когда окончательно и бесповоротно умирает надежда освободиться от тоталитарной «необходимости», надежда на перемены в социалистическом блоке и СССР. Однако, повторяю, написано это стихотворение за два дня до вторжения. Только читатель с опытом Сатуновского, постоянно «включенный» в политический контекст, интенсивно интерпретирующий «межстрочные» сигналы, разбросанные тут и там, мог угадать, куда движутся события.

Разумеется, было бы нелепо сводить к одним «Известиям» весь поток информации, приходящей к Сатуновскому. 19 августа о скоплении советских войск на западных границах могли сообщать западные «голоса»; до поэта, вероятнее всего, доносились и иные слухи. Иначе говоря, тщательный поиск может выявить более или менее реалистические триггеры стихотворения «Какая тишина, какая благодать!» и подобных ему.

***

Всеволод Некрасов писал о стихах Сатуновского:

Ловится самый миг осознания, возникновения речи, сама его природа, и живей, подлинней такого дикого клочка просто ничего не бывает — он сразу сам себе стих [...] Оказывается, тут дверь. Открылась — и вот оно, что я говорю *на самом деле*. Почти классическая конкретистская регистрация речевого события — только речь внутренняя — и еще чуть глубже. Само событие как момент выхода в иномерность, точка нарушения.

(Некрасов 1985: 50)

По-видимому, говоря о регистрации речевого события, Некрасов имеет в виду приемы немецкого конкретизма, и в частности, *found-poetry*⁶. Но если Сатуновский регистрирует «речь внутреннюю — и еще чуть глубже», чем такой «конкретизм» отличается от «нормальной» модернистской лирики? От Пастернака или Мандельштама?

Работа с газетой придает конкретизму Сатуновского гораздо более материальные черты. Если немецкоязычные поэты-конкретисты 1950–70-х годов создавали коллажи из газетных текстов, то Сатуновский пишет стихи как дневник поэтических реакций на медийные «раздражители». При этом сами газетные тексты он как бы *вырезает*, оставляя на их месте пустоту, окруженную диалогическим комментарием. В сущности, этот прием вполне вписывается в понимание конкретной поэзии, по Херману Кортэ: «Конкретная поэзия стала синонимом всех

6 См. подробное обсуждение вопроса о конкретизме «лианозовцев» в статье: Павловец 2021.

литературных опытов [...], в которых процессы комбинирования, редукции, конструирования, игры, коллажа и монтажа становятся значимыми в качестве принципов создания текста» (Korte 2004: 72)⁷.

Одновременно в стихах Сатуновского можно увидеть и полемику с «литературой факта» 1920-х годов. Для футуристов и конструктивистов той эпохи газета воплощала недостижимую для традиционной литературы высоту эстетического и философского сознания. Сергей Третьяков, например, писал: «Одиночке-писателю смешно и думать о своей философской гегемонии рядом с этим коллективным мозгом революции [...]. Нам нечего ждать Толстых, ибо у нас есть наш эпос. Наш эпос — газета» (Третьяков 2000: 31). Обычно лефовский подход интерпретируется как поиски объективности и культ фактов, впрочем, нередко оборачивающийся иллюзией объективности и фальсификациями⁸. Однако в 1960–70-е такой взгляд совершенно немыслим. Для Сатуновского и людей его круга и образа мыслей газета практически не имеет отношения к реальности, но зато является зеркалом, в которое смотрится власть. По газете можно видеть, как меняется саморепрезентация власти, а за ней опытный наблюдатель угадывает и невидимые сдвиги, происходящие во властных институтах, — так по официальной фотографии с какого-нибудь партийного торжества «народные аналитики» вычисляли карьерные перестановки в верхах и связанные с ними политические перемены.

Михаил Айзенберг считает, что у Сатуновского практически отсутствует критика языка и идет поиск возможностей для лирического высказывания между девальвированным идеологическим словом и умершей (убитой) поэтической традицией (Айзенберг 2005: 19). Подобный подход развивали и Георг Витте с Сабиной Хэнсен (писавшие под псевдонимами Гюнтер Хирт и Саша Вондерс): они подчеркивали, что у лианозовцев «цитаты речи и текста отсылают к каким-то реальным жизненным ситуациям и ситуативному контексту [...] При этом семиотическая ориентация лианозовской поэзии не ограничивается абстрактной критикой языка, а всегда остается конкретной в смысле

7 Цит. по Павловец 2021, 43.

8 См., например: Papazian 2009: 3–28, 37–45.

соотнесенности с повседневными жизненными ситуациями» (Хирт/Вондерс 2021: 711).

Вероятно, в этом состоит главное отличие политической поэзии Сатуновского от соц-арта: Сатуновский не деконструирует политический дискурс как таковой, подобно концептуалистам. Он ищет возможности для политического высказывания в конкретных жизненных ситуациях и на языке, органичном для его поэтической личности. Нельзя также сказать, что он остается в рамках советского политического дискурса. Сатуновский произносит политическое суждение на *не-всеобщем* языке, а на языке ситуативном и конкретном, обусловленном его личным, конкретным экзистенциальным и историческим опытом.

В этом смысле политические стихи Сатуновского вписываются в общую логику его поэтики, в которой, по замечанию И. Кукулина, «„центром кристаллизации“ [...] являются не какие-то маркированные или сильные чувства, но *любое* переживание, особенно такое, в котором человек вырывается из плена идеологически навязанных и общественно привычных структур существования» (Кукулин 2019: 186). Люба Гольбурт считает, что Сатуновский “shows the historical as everywhere impinging upon the personal, making the personal story unavailable to discourse” (Golburt 2023: 647). Однако политические стихи позволяют уточнить эту формулировку: хотя действительно личный опыт субъекта остается у Сатуновского невыразимым, реакции этого субъекта (максимально приближенного к автору) на политические новости позволяют поэту высказать свой опыт косвенно как угадываемый источник критического дискурса. Газета как бы облепляет «невидимого» субъекта.

Иначе говоря, полемика с газетой позволяет Сатуновскому артикулировать политическую составляющую его индивидуального — но в то же время и вполне типического — опыта и тем самым вернуть агентность политическому субъекту за пределами советской политической риторики. Крайне важно и то обстоятельство, что политические стихи Сатуновского вписаны в его поэтический дневник, наполненный деталями повседневности — разговорами с друзьями, посещением поэтических чтений, наблюдениями за соседями, играми с внуком, походами в магазин за продуктами, воспоминаниями о войне и жертвах террора... Это и есть та повседневность и тот опыт, политическим

голосом которого становится лирический субъект Сатуновского. Из этой точки он возражает официальному дискурсу и насмешничает над официальными формулировками.

В то же время невидимые, но разнообразные отсылки к газетным (медийным) текстам служат осязаемым «мостиком» между лирическим и политическим. Не только потому, что таким образом политика вписана в жизненную рутину поэта — чтение свежей газеты и ее обдумывание оказываются важными составляющими повседневности. Более того, если по Рансьеру, политическое вообще возможно только там, где есть несогласие — *dissensus* (Rancière 2016), — то Сатуновский возвращает политическое сознание, отличное от агрессивной лояльности, в советскую повседневность и вписывает это сознание в советский экзистенциальный опыт. Таким образом, критика идеологического языка и является основой лирического высказывания Сатуновского. Лирического — и одновременно остро-диалогического, политически-полемиического.

Однако не менее важен и жест исключения первоисточника. Благодаря этому приему политические стихи Сатуновского приобретают большую многозначность, «вмещая» в себя реакции на события, отличные от тех, которые возбудили поэта. В текстах Сатуновского поэтика умолчаний и пропусков — в данном случае газетных текстов-триггеров — не скрывает значение поэтического текста, а углубляет его, создавая подтекст, как в модернистской прозе. Стихотворение, таким образом, становится верхушкой идиоматического айсберга, оснащенной сигналами и символами, которые указывают на контексты и события, скрытые «под водой», вне прямого зрения. Углубление подтекста сопровождается в стихах Сатуновского интенсификацией внутренней структуры поэтического текста, пронизанного по разным направлениям созвучиями, параллелизмами, аналогиями и раскавыченными цитатами — именно эти и подобные приемы играют роль «сигналов». Их густая сеть опутывает кажущуюся простой и непритязательной «разговорность» стихов Сатуновского. Через них и через их отношения с подтекстом выражает себя политический субъект Сатуновского — носитель критической позиции по отношению к официальной советской идеологии, политике и языку.

Литература

- Айзенберг, Михаил (2005): *Оправданное присутствие*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Кукулин, Илья (2019): *Прорыв к невозможной связи: Статьи о русской поэзии*. Екатеринбург/Москва: Кабинетный ученый.
- Кулаков, Владислав (б. д.): «Ян Сатуновский: „Я — не поэт...“». <http://www.ruthenia.ru/60s/satunovskij/kulakov.htm> (07.10.2025)
- Липовецкий, Марк (2023): «Две заметки о (не)насилии», в: *Новое литературное обозрение* 6, 367–383.
- Некрасов, Всеволод (1985): «Объяснительная записка», в: *А/Я* 1, 48–50.
- Орлов, Владимир (1964): «Весомое слово — поэзия», в: *Известия*, 26 ноября, 4.
- Павловец, Михаил (2021): «„Лианозовская школа“ и „конкретная поэзия“», в: Зыкова, Галина / Кулаков, Владислав / Павловец, Михаил (ред.): *«Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом*. Москва: Новое литературное обозрение, 32–60.
- Пастернак, Борис (2004): *Полное собрание сочинений с приложениями в 11 томах*. Т. 2. Москва: Слово/Slovo.
- Третьяков, Сергей (2000): «Новый Лев Толстой», в: Чужак, Николай (ред.): *Литература факта [1929]*. Москва: Захаров, 29–33.
- Хирт, Гюнтер / Вондерс, Саша (2021): «Из предисловия [к изд. Лианозово-92 и тура поэтов по Германии]», перевод Ольги Денисовой, в: Зыкова, Галина / Кулаков, Владислав / Павловец, Михаил (ред.): *«Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом*. Москва: Новое литературное обозрение, 707–718.
- Golburt, Luba (2023): “Ian Satunovskii: Identity and Biography, from the War to the Lyric”, in: *Slavic Review*, 2/3 (Fall), 640–647.
- Korte, Hermann (2004): *Deutschsprachige Lyrik seit 1945*. Stuttgart/Weimar: Metzler.
- Papazian, Elizabeth Astrid (2009): *Manufacturing Truth: The Documentary Moment in Early Soviet Culture*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Rancière, Jacques. (2016): *Ten Theses on Politics*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.